

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия.

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7580452
Варнек, Т. А. Воспоминания сестры милосердия: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085711-1*

Аннотация

Перед нами один из самых искренних и правдивых рассказов о Первой Мировой войне и страшных годах революции и гражданской войны. Их автор – Татьяна Варнек сразу после начала войны начинает работать сестрой милосердия во фронтовых госпиталях. Наступление в Галиции в 1914 году, тяжелые бои под Ригой в 1916, работа в госпиталях и военно-санитарных поездах... Грязь, смерть... зверства бандитов, все это придется пережить девушке из богатой дворянской семьи. А впереди – эмиграция.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	15
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	20
Глава 10	23
Часть вторая	26
Глава 1	26
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

Часть первая На великой войне

Глава 1 В поисках себя

В мае 1912 года я окончила восьмой класс гимназии Л. Ст. Таганцевой. Из моего класса почти никто не думал идти на курсы. Я решила поступать в Рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств и с этим уехала в Москалевку (наше имение около Туапсе на Кавказе). Летом, переписываясь с подругами, я узнала, что многие собираются поступать в Кауфманскую общину¹ на курсы запасных сестер милосердия, особенно горячо увлеклась этой мыслью Аня Думитрашко, с которой мы были очень дружны. Она мне писала, что в жизни эти знания могут пригодиться, что летом в деревне при необходимости мы сможем сами оказывать помощь и т. п. Меня это тоже увлекло, и осенью мы, большая группа подруг, поступили в общину, одновременно я начала учиться в Обществе поощрения художеств. Всех слушательниц в общину поступило около четырехсот. При открытии кто-то из «думских» выступил с речью, говоря, что опыт японской войны показал, что нужны профессиональные сестры, а не волонтерки. Поэтому решено создать кадры запасных сестер, чтобы в случае войны не было необходимости в волонтерках. Лекции и практические занятия были каждый день. Программа очень большая. Строгости тоже. Нас по-кауфмански взяли в оборот, и за нами следили все время общинские сестры. Перед Рождеством были экзамены, устные и практические. Заниматься пришлось очень усиленно, особенно по практическим занятиям, – трудно было в очень короткий срок (по минутам) застелить кровать и заложить одеяло кауфманским углом. Дома у меня мы с Аней Думитрашко мучили бедного Женю (младшего брата), который добродушно подчинялся. Все же, при виде нас, он с отчаянием говорил: «Опять эта бинтовщица и бинтовщица». Мы его без конца бинтовали с головы до пят, поднимали, переносили. Пробовали проделать то же и с Петей, но он не давался. Ближе к экзаменам наша группа наняла одного из мальчиков, на котором вместе практиковались в общине. Отец одной из нас, проф. Вреден, дал нам в своей клинике палату, и там мы проходили всю программу. Мальчик наш (мы наняли одного из трех, с которыми вместе учились в общине) помогал и давал указания. Он все знал прекрасно. Экзамены были очень строгие, резали беспощадно, но наши гимназистки все сдали благополучно и даже хорошо. Самым страшным и трудным предметом была анатомия, и на этом экзамене провалились очень многие. Курс громадный, много времени уходило на его изучение, и готовить другие предметы было некогда, а их оказалось порядочно. Но мы все знали анатомию прекрасно по гимназии, где был тот же курс, что и в общине. Мы его сдавали на выпускном экзамене, так что нам надо было только слегка повторить его. Таким образом, у нас на другие пред-

¹ Община имени генерал-адъютанта М.П. Кауфмана (1822–1902) выросла из образцово-поставленной школы ученых сиделок, открытой в 1902 г. Имела высокую профессиональную репутацию и отличалась строгими правилами. Работать в общине было в моде у представительниц всех слоев Петербургского общества. Председательницей и попечительницей была баронесса В.И. Икскуль фон Гиндельбранд.

меты времени хватало. Все слушательницы курсов в общине были с гимназическим образованием, но наша гимназия, где преподавание каждого предмета велось шире, чем в других, обращала усиленное внимание на анатомию. На экзаменах провалилось больше половины учащихся, так что после Рождества на практику в больницу попало меньше двухсот человек.

В первые же дни многие не выдержали и ушли. Мы работали в ужасной городской Обуховской больнице, переполненной больными². Больница громадная и настолько старая, что, кажется, стены впитали в себя все запахи. Воздух был ужасный, беднота кругом; белье, одеяла – старые, все серое, никаких удобств, ничего нужного получить было нельзя, даже не хватало градусников, а злющая общинская сестра не спускала с нас глаз и все время цыкала.

Я попала в хирургическое отделение, где больше лежали хроники или, вернее, безнадежные. После первого дня работы, вернувшись домой, я без конца мылась, полоскалась одеколоном и не могла отделаться от ужасного больничного запаха. За столом ничего не могла есть.

Все же я продолжала работать. Как я уже сказала, в первые дни практики ушло несколько человек: условия тяжелые, а муштра была невероятная, замечания так и сыпались, и за самые пустяки. Мы терпели, сколько могли. Я проработала чуть больше месяца и бросила, а до диплома надо было работать до весны. Я, конечно, могла бы протянуть, но просто не захотела – диплом был мне не нужен, а из-за больницы приходилось пропускать занятия в Рисовальной школе, где я с увлечением занималась и думала пройти курс до конца. Я так уставала, бегая из больницы в школу, что не могла выезжать, а это был первый сезон с наилучшими балами и выездами. До окончания гимназии я еще почти не выезжала. Аня Думитрашко проработала еще немного после моего ухода и тоже ушла. У нас появилось свободное время, и мы с ней стали много ходить по музеям и выставкам. Часто катались на коньках, играли в теннис, веселились и о сестричестве забыли. Лето, как всегда, провела в Туапсе, и снова зима, учение в Рисовальной школе, выезды, веселье.

Весной 14-го года снова поехали в Москалевку, где всегда было так хорошо. Ходили на экскурсии, купались, катались на лодке, играли в теннис и немножко помогали в садах, главным образом по сбору фруктов. В мою обязанность входило еще обходить все розовые кусты и срезать розы: отцветшие в одну корзину, а в другую – для букетов, которые я же расставляла по всему дому.

Жили все беззаботно и не чувствовали приближающейся грозы. Почта приходила к нам всего три раза в неделю. Так что петербургские газеты в лучшем случае приходили на четвертый день. Получали и местную газету, но в ней известия были такие же старые. И вот, совершенно для нас неожиданно, на столбах и дубах вдоль шоссе появились расклеенные бумажки о мобилизации. Никто ничего понять не мог. Почему? Зачем? Стали гадать, папа читал в газетах о забастовках в Москве. Подумали, что из-за них. Как раз в этот день к нам на автомобиле приехали Вася и Ваня Черепенниковы (дальние соседи). Захватили Аню и меня к себе. По дороге мы волновались, спорили, стараясь угадать, в чем дело. (Ваню Черепенникова я видела в последний раз: в разгар революционных событий он был застрелен на их квартире в Петербурге во время обыска. Красноармейцы стали угрожать Ивану Васильевичу (отцу), Ваня бросился вперед, и его застрелили.)

Только через три дня после объявления мобилизации мы узнали, что это война. Я сейчас же решила работать сестрой, но очень боялась, что меня не возьмут, так как я была без диплома. Все же написала письмо старшей сестре общины Филипповой, спрашивая, что мне делать и могу ли я работать. Она сразу же мне ответила, и очень лаконично: «Приезжайте немедленно». Я быстро собралась и уехала. Это была середина августа.

² Сестры милосердия Кауфманской общины проходили практику в Обуховской больнице, пациентами которой были низы общества – нищие, бродяги, пьяницы.

Ехала довольно долго, так как прямых поездов уже не было, не было и плацкарт, но мне повезло: на пересадке в Ростове я попала в купе, где ехали трое молодых англичан и жена одного из них. Они служили где-то на Кавказе и спешили обратно в Англию. Больше в наше купе никто не сел, и мы прекрасно доехали до Петербурга. Англичанка и я имели по верхней полке, так что спали ночью прекрасно и могли раздеваться. Все мои спутники были очень милые люди, и мы, болтая, незаметно провели время. Распрощались в Петербурге около Николаевского вокзала. Дома я жила вдвоем с нашей старой кухаркой Настасьей. Вся наша семья приехала из Туапсе к началу занятий – к 1 сентября. На другой день после моего приезда я явилась в общину. Старшая сестра мне сказала, что мои экзамены и занятия зачтутся, но что я должна закончить практику. Меня послали в Александровскую больницу для рабочих, где уже работали волонтерки, которые после объявления войны поступили на ускоренные курсы сестер милосердия. Общинских и запасных сестер было так мало, что все общины открыли такие курсы. Без прохождения их начальник Красного Креста никого на работу не принимал.

Александровская больница была хорошо обставлена, очень чистая, и работать там было хорошо. Большинство сестер стремились на фронт: очень волновались, что не успеют, так как думали, что война скоро кончится.

В начале сентября оканчивала практику первая группа волонтерок. И вот, совершенно неожиданно, многие из них, человек двадцать, были приглашены на чай к баронессе Иксуль, попечительнице общины. Причем было сказано прийти в штатском платье (на работе мы носили форму: серые платья и большие четырехугольные кауфманские косынки, но без креста). На другой день после чая у баронессы некоторым из волонтерок было сказано, чтобы они в больницу больше не приходили, так как они сестрами милосердия быть не могут. Оказывается, этот прием был устроен баронессой, чтобы лучше рассмотреть, что собой представляют ее будущие сестры. Забраковала она тех девушек, которые были недостаточно скромно одеты и, вероятно, слишком развязны. Но такой «чай» больше не повторялся, так как о нем узнали все остальные.

Глава 2

Отъезд на фронт

Числа 19 сентября сорока шести сестрам, и мне в том числе, было приказано явиться в общину для получения креста. И нам дали или, вернее, разрешили нацепить крест, что мы тут же и сделали. После этого нам объявили, что 23-го мы уезжаем. Выдали каждой по сундуку, кожаную куртку, теплое ватное черное пальто и список вещей, которые мы должны взять с собой. Мне и пяти сестрам (четыре из них – волонтерки) сказали, что мы должны сшить себе настоящую общинскую форму, как сестры запаса, то есть черные платья и кокошники. Мы шестеро получили назначение в 1-й Подвижной кауфманский лазарет бакинских нефтепромышленников, стоящий в Галиции в Жолкиве, откуда перевелось несколько сестер, и нас послали их сменить. Остальные сорок волонтерок ехали с нами только до Киева, где они поступали в распоряжение главноуполномоченного Юго-Западного фронта для получения назначений в Военное ведомство.

Дома началась невероятная горячка: надо было все купить в три дня, сшить форму – платья, косынки, передники. Высокие сапоги на заказ сделать было невозможно – не хватало времени, и мне купили готовые – кадетские, очень некрасивые (потом я себе сделала на заказ). Накануне отъезда уложенный сундук надо было отвезти в общину. Оказалось, что все сундуки там просматривали и одну волонтерку исключили, найдя что-то, чего не должно было быть. Что это было, никто из нас не знал! Уже в поезде долго гадали, какую такую «ужасную» вещь она взяла с собой? И наконец решили, что это была... пудра!

Наступил вечер 23 сентября 1914-го, и я уезжала на фронт. Мы получили отдельный вагон второго класса и еще несколько купе в соседнем.

Провожали нас все наши родные, друзья и знакомые. Толпа на вокзале была не меньше двух тысяч человек. Нас засыпали цветами, шоколадом и просто разрывали на части: каждый хотел поговорить, попрощаться, кое-кто благословлял иконками. Дивный складьш, которым меня благословила Таня Кугушева, сохранился у меня до сих пор.

Не успели мы войти в вагоны, как из окон повысовывались головы в косынках. В них нас трудно было узнать, тем более что в форме нас еще никто не видел. Все стали выкрикивать имена своих сестер: «Ирина, Таня, Маня, Ксения!..»

Отъехали под громкие крики «ура!». Придя немного в себя, мы стали устраиваться. Ехали нормально, по четыре в купе. Диваны были завалены шоколадом, конфетами и цветами. Запах одуряющий, особенно от тубероз. Сообща решили на ночь одну уборную отдать под цветы; сколько могли, поставили в умывальник.

Мы начали знакомиться друг с другом. Я сразу сошлась с Ксенией Исполатовой, и мы скоро подружились.

Глава 3

Лазарет в Жолкиве

В Киеве мы шестеро расстались с волонтерками, пересели на другой поезд и поехали во Львов, где на вокзале пришлось долго ждать поезда на Жолкив. Громадный, чудный вокзал со стеклянной крышей не имел больше парадного вида: народу было мало, и только военные. Мы уселись вокруг столика в огромном пустом зале буфета. Закусили своими продуктами и стали поедать конфеты из большой коробки, которую кто-то из нас поставил посредине стола. Почему-то пустынный зал и большая коробка конфет остались в памяти.

Сидели мы долго, пока какой-то врач не подошел к нам и не попросил помочь перевязать раненых, так как сестры эвакуационного пункта не успевают. Мы сразу же пошли, с радостью, но и со страхом: ведь мы еще никогда по-настоящему не работали и с ранеными встречались впервые. Нас отвели в большой зал, полный солдат, ожидавших перевязки. Там работали врач и фельдшера. Мы облегченно вздохнули, увидев, что раненые все легкие, больше всего «пальчики»: тяжелых перевязывали на эвакуационном пункте. Со страхом и большим старанием мы принялись за дело. Перевязывали медленно, но справились благополучно. Проработали до прихода нашего поезда. Это было наше «боевое крещение»!

Наконец мы приехали в Жолкив, маленький городок, где нас поразило количество евреев, в лапсердаках и с пейсами. Вид неопрятный, особенно неприятно выглядит молодежь.

Лазарет встретил нас не приветливо – старший врач, прибалтийский немец фон Кюмель, рыжий, с желтыми глазами, плохо говорящий по-русски; старшая сестра Большакова, общинская, уже немолодая. Препротивная рыхлая баба и, как ни странно для кауфманской сестры (думаю, что она из сиделок Кауфманской общины – двухлетние курсы, назначили сестрой), малоинтеллигентная, даже, вернее, совсем простая баба. Как она могла быть кауфманской сестрой? Непонятно! Она сразу же зашипела: «На что мне эти волонтерки, прислали бы двух общинских, и было бы гораздо лучше». К довершению нашей беды, почти все раненые были эвакуированы. Осталось человек двенадцать, работы было мало, и Большакова взяла нас в оборот. Цукала за все, и особенно попадало, если ей покажется, что наши волосы недостаточно натянуты перед кокошником, не дай Бог, если выбьется прядь. А бедной сестре Турман, у которой волосы вились, влетало все время. Большакова с нами не церемонилась, просто подходила, подсовывала пальцы под волосы и кричала: «Убрать!» Мы же держались дружно и мстили, как могли. Это, конечно, было невозможно во время работы, и только за столом мы давали себе волю. Все мы были молодые, приблизительно одного круга, и наши разговоры раздражали Большакову. Естественно, мы вспоминали Петербург, выезды, знакомых. Часто мелькали громкие фамилии и титулы. Мы заметили, что Большакову это злило, и нарочно подливали масла в огонь, придумывая самые невероятные имена и титулы, пересыпая свою речь французскими фразами, которых она не понимала. Она приходила в невероятную ярость и кричала: «Эти мне графья да князья!» Для нас же эта проделка была единственным утешением!

Нас распределили на работу: одну назначили по хозяйству, другой удалось сразу же перейти в отряд, где работала ее родная сестра, остальные четверо попали в палаты: три дежурили днем и одна, по очереди, ночью.

Помещение было небольшое, и палаты смежные. В моей лежали три раненых австрийца, у Ксении, рядом, пять русских. В первой были австрийцы и русские и в отдельной комнате пленный австрийский капитан. Так как лазарет был подвижной, то и имущество было самое скромное и только самое необходимое: кровати походные с тюфяками, набитыми соломой, никаких столиков. На перевязки нас не пускали, и мы целый день должны были

проводить в палате и что-то делать. Но как заполнить день в пустой палате с несколькими не очень тяжелыми ранеными? А у меня вдобавок были австрийцы. Я делала им что было нужно, но ни в какие разговоры не вступала, а Большакова появлялась по нескольку раз в день и, если видела, что мы ничего не делаем, начинала шипеть: «Надо работать, хорошая сестра всегда найдет работу!» Заставляла мыть то окно, то большую кафельную печку, то стол или дверь. Придет в другой раз, и снова мой ту же печку или окно, и так без конца. Мы не имели права разговаривать друг с другом, хотя между палатами была дверь. Раненые наши солдаты ее ненавидели, так же, как и мы, и старались нам помочь, как только она уйдет. Мы с Ксенией сдвигали свои стулья спинками друг к другу в дверном проеме между нашими палатами, садились и разговаривали. Больные следили за входной дверью и, как только заметят, что дверь открывается, кричали: «Корова идет!» Мы вскакивали, хватали тряпки и усиленно начинали что-нибудь тереть. С Ксенией мы подружились и, когда были свободны, уходили гулять по Жолкиву, иногда и за город, по снежному полю. Раз даже удалось попасть в синагогу.

Глава 4 «Бунт сестер»

Кроме неприятностей со старшей сестрой, нас приводил в недоумение (возмущаться мы еще не смели) наш старший врач Кюммель. Мы заметили, что пленников он перевязывал каждый день и долго с ними возился, на наших же не обращал почти никакого внимания. Кроме того, он целыми днями просиживал у пленного австрийского капитана и болтал с ним по-немецки.

Через некоторое время были эвакуированы последние раненые, и нас перевели немного вперед, ближе к фронту, на станцию Ланцуг в имение графа Потоцкого. Мы быстро развернулись на самой станции. Но стоянку нам выбрали неудачную: санитарные поезда на ней не разгружались, и мы стояли без дела. Волновались, сердились, зная, что в других местах большая нужда в лазаретах. Начали даже ссориться друг с другом. Мы с Ксенией очень подружились, но часто ссорились, мирились и снова ссорились; она была на два года моложе меня и прямо из института попала на фронт. Это была настоящая наивная институтка, да еще очень восторженная и увлекающаяся. Постоянно влюблялась, теряла голову и воображала, что ей сделают предложение. Я ее старалась направлять на путь истинный, она сердилась и говорила, что я ревную. Выходила ссора, затем я оказывалась права, она плакала, и мы мирились. Мы почти все время были с ней вдвоем, ходили осматривать дивный замок Потоцкого, фазановый заповедник, гуляли и много пели: у Ксении был чудный слух и довольно хороший голос. Так что мы с ней распевали дуэты: если я могла вторить, то она пела первым голосом, если нет, то наоборот. Мы находили, что выходит хорошо, были довольны и все разучивали новые песни. Но, несмотря ни на что, томились и мечтали о том, что нас переведут в другое место.

Один раз у нас произошел такой случай: утром, когда мы вошли в столовую пить чай, увидели доктора Кюммеля с тремя австрийцами в форме, стоящими около карты Галиции; они что-то показывали на ней и о чем-то говорили. Увидя нас, доктор и австрийцы ушли. На столе стояли стаканы и остатки еды, которой доктор угощал австрийцев. Мы были возмущены до глубины души, но окончательно рассвирепели, когда в тот же день кто-то прибежал к нам сказать, что на станции стоит товарный поезд, полный ранеными, без медицинского персонала и что раненые кричат, просят пить и есть. Мы побежали к доктору Кюммелю сообщить об этом, в полной уверенности, что он прикажет накормить их и даже оказать помощь, но он не только не приказал нам сделать это, но, наоборот, категорически запретил нам туда идти и что-либо давать раненым. Мы, все сестры и санитары, так возмутились, что, не обращая внимания на запрет врача, побежали к поезду, поили всех водой и давали хлеб, который могли унести из лазарета: это все, что мы могли сделать. Но за доктором начали следить, будучи теперь уверены, что он если не шпион, то на стороне немцев! Но к кому обратиться? Как поступить? В Ланцуге мы простояли около недели и переехали еще вперед, на станцию Мелец, недалеко от Ржеснева. Но там работы тоже не было. Нас придали 16-й Кавалерийской дивизии, которая в то время там уже стояла на отдыхе.

В эту дивизию входил и Новоархангельский уланский полк, но Васи (Вас. Вас. Протопопова), там еще не было. Ближе всех к нам стояли черниговцы, они быстро с нами познакомились и стали у нас бывать. В нашей столовой стояло пианино, и корнет Андреевский постоянно на нем наигрывал и пел. Доктор Кюммель был страшно зол на то, что в лазарет приходят офицеры, встречал их весьма нелюбезно, а иногда и дерзко. Но они на него не обращали никакого внимания, тем более что мы им рассказали о немецких симпатиях доктора. Понемногу мы налаживали лазарет: набивали матрацы, зашивали их, но, так как раненых не предвиделось, мы не торопились.

Наступило Рождество. Дивизия устроила обед – в каком-то большом зале, был приглашен весь лазарет. Народу оказалось очень много, собрались все офицеры дивизии, но нам не было весело, так как нас посадили на почетные места, около генерала Драгомирова и его штаба. Все наши знакомые сидели далеко.

С доктором у нас отношения становились все хуже и хуже: раз за столом он, что-то рассказывая, сказал: «У нас в Германии». Пылкая Ксения со всей силы ударила кулаком по столу и крикнула: «Доктор, у нас в России!» Мы стали во все стороны писать письма, прося обратить внимание на доктора Кюммеля. Но результатов не было никаких. Наконец, отчаявшись, мы написали в Красный Крест коллективное заявление. Мы и не подозревали, что этого делать нельзя. Но зато они заволновались в Управлении! Правда, не из-за доктора, а из-за «бунта сестер»!

Приехал уполномоченный, нас отчитал, но все же выслушал. Через некоторое время от нас перевели трех сестер: одну в отряд в Галицию, а двух – в госпиталь в Петербург. Доктора не тронули, и мы были в отчаянии. Из нашей группы остались Ксения и я, кроме того, из старого состава, старшая операционная и аптечная сестры.

Глава 5

Перевод во Львов

Почти в то же время дивизию перебросили в Карпаты и нас перевели за ней: там шли большие бои. Нас поставили в Ясло. Там мы поместились в чудном богатом особняке, мы с Ксенией жили в прекрасной спальне красного дерева. Лазарет находился рядом в казенном здании: раненые все лежали в одном большом зале. Все очень тяжелые, и их было около ста, а нас, считая старшую, было всего пять сестер. Сразу взялись за работу. Дела было столько, что даже Большакова нас оставила в покое. Сама она взяла на себя хозяйство. Палатных сестер было только две – Ксения и я, и при всем нашем желании мы справиться с работой не могли: ведь на нас лежали и ночные дежурства. Спасла положение очень милая общинская сестра Курепина, работавшая в операционной и перевязочной. Она сказала, что тоже будет дежурить ночью. Противная аптечная сестра, флиртовавшая со старшим врачом, себя не утруждала, сидела в аптеке, но помогать другим не пожелала. Ее фамилия была Чихиржина, но санитары ее называли «Чихирина жена». С 8 часов утра до 8 вечера мы с Ксенией носились по палате, едва успевали быстро проглотить обед. У Курепиной перевязки чередовались с операциями, тоже с 8 часов утра до 8 вечера. На ночь, быстро поужинав, оставалась одна из нас и до поздней ночи заканчивала то, что мы не успели сделать днем. В 8 часов утра приходили на работу две другие сестры, но ночная не уходила и продолжала работать до 8 вечера и, только проработав подряд тридцать шесть часов, уходила домой. Так шла наша работа тридцать шесть часов подряд, затем два дня отдыха и снова тридцать шесть часов с ранеными. Но дела было столько, что об усталости не думали. В такой работе прошло три недели, после чего начали постепенно эвакуировать раненых. Стало легче.

В это время к нам приехал полностью укомплектованный новый состав лазарета. В Петербурге все же обратили внимание на наши жалобы. Меня перевели в Кауфманский, собственный Государыни Императрицы Марии Федоровны госпиталь № 2, стоящий во Львове. Сестру Курепину отозвали в общину. Ксению, по просьбе ее дяди Ильина, председателя Российского общества Красного Креста, перевели в госпиталь в Петербург. Думаю, что он хотел через нее узнать, что у нас творилось. Старшую сестру Большакову исключили из общины.

Что стало с доктором Кюммелем, никто из нас не мог узнать, но нигде в общине он не работал и вообще о нем никто не слышал. Я очень жалела, что пришлось расстаться с Ксенией, тем более что в госпитале я никого не знала. Помещался он в громадном прекрасном здании какого-то учебного заведения и был тоже прекрасно оборудован. Принимали в него только самых тяжелых. Старшим врачом был Вл. Ник. Томашевский – прекрасный хирург, любящий свое дело, но с ужасно деспотическим характером. Все другие врачи оказались очень хорошие и серьезные. Сестер было двадцать одна. Старшая сестра – графиня Бобринская, фрейлина Государыни Марии Федоровны. Она была женой генерал-губернатора Галиции. Ее дочь и *belle-fille*³ работали у нас сестрами. Все ее называли не «сестра», а «графиня», ее все уважали, но боялись. Считался с ней даже старший врач и тоже побаивался.

Еще до моего приезда в госпиталь, в самом начале, он ударил санитаря. Графиня об этом узнала, вызвала Томашевского к себе и сказала, что она сообщит о случившемся Государыне. Томашевский три дня сидел запершись у себя. Потом, очевидно, все уладилось, и он снова взялся за работу, но больше рук своих не прикладывал.

Графиня жила совсем на особом положении, у нее в гостинице был свой номер, хорошо обставленный; ее автомобиль, реквизированный для войны, был дан госпиталю; ее мобили-

³ Жена сына (*фр.*).

зованные шофер и лакей были у нас: первый – шофером графини, а второй подавал нам к столу. Автомобилем пользовалась только графиня. Она как будто не работала, но видела все и все держала в руках. Всегда была спокойна, никогда не повышала голоса, кажется, почти не делала замечаний. Да и к чему они: все сестры работали по доброй воле, идейно, и отдавали все свои силы и душу раненым. Кроме того, все было так налажено, распределено, что каждый наш час, каждый наш шаг были заранее известны.

Этот госпиталь можно сравнить с прекрасно налаженной машиной, и мы являлись ее частицами. Поэтому у нас не было «личной жизни». Между сестрами не было подруг: все обращались друг к другу на «вы», не возникало и ссор. Свободного времени почти не оказывалось, работы же – очень много. Поэтому, хотя в госпитале не встретилось ни одного знакомого, я сразу же вошла в общее течение. Меня поместили в большую комнату, очевидно гостиную директора учебного заведения, где мы стояли. Там еще висели картины, стояли кресла, столики. В этой комнате нас было пять, через нее проходили еще три сестры. У каждой из нас был свой уголок, отгороженный креслами, цветами.

Меня назначили в одну из двух перевязочных второй сестрой. Там уже работала сестра Радкевич. Она хорошо меня приняла и начала обучать. Когда я все постигла, мы стали работать как равные, подавали по очереди и по очереди помогали врачам. Когда приходил перевязывать своих больных старший врач Томашевский, гроза перевязочной, ему всегда подавала Радкевич, а я помогала. Его появления боялись все: как только нам сообщат, что идет Томашевский, все врачи быстро заканчивали перевязку больного и скрывались, больных выкатывали, санитар и мы спешно приготавливались, все прибирали. Томашевский входил в пустую перевязочную, за ним вкатывали его больного, и начиналось священнодействие. Перевязывал он невероятно медленно, рассматривая рану и подолгу раздумывая над ней, сидя на табурете. Помогая ему, я часто должна была держать на весу раненую руку, ногу, и если, не дай Бог, у меня от усталости дрогнет рука, начинаются дикие крики. Если Радкевич не уловит момента, когда ему подать, или не угадает и подаст не то, о чем он думает, – снова крики. Санитарам влетало не меньше нас, хотя они оба отлично работали. Но зато он работал прекрасно и делал чудеса.

Оперировали три раза в неделю, по утрам. Присутствовали все врачи, операционная сестра и все четыре перевязочных. Оперировали одновременно на двух столах. Подавали две сестры: операционная – старшему врачу и старшая перевязочная – на другой стол, где оперировал один из врачей. Остальные три сестры были: одна на «барабанах» и две – «на челюстях». То есть первая открывала барабан со стерильным материалом, а другие держали челюсти больного при наркозе. Я обыкновенно держала челюсти у больного, которого оперировал старший врач.

Я никогда после не видела такого священнодействия и такого напряжения у всех присутствующих, начиная с врачей и кончая санитарями: каждое движение было точно рассчитано и изучено. Тишина была полная. Изредка слышались слова оперировавших врачей и звук инструментов, все это иногда прерывалось гневными выкриками Томашевского, который без этого работать не мог: подала ли сестра не совсем тот инструмент, о котором он думал, замешкались на какую-нибудь долю секунды она или ассистент или дрогнула под моими руками трепанируемая голова, Томашевский сердился, кричал – и снова тишина. Держать челюсти при трепанации было мучение, особенно если голова лежала на боку: пальцы затекали и замирали. И как удержать, когда врач начинает долбить? Раза два был случай, когда Томашевский запустил инструментом в очень опытную операционную сестру.

Впоследствии, уже в Константинополе, я была самостоятельной операционной сестрой у профессора Алексинского, который оперировал очень быстро, но как спокойно: никогда не только криков, но даже замечания!

В госпитале мы работали каждый день, с утра до вечера. По окончании перевязок мы могли быть свободны, но они никогда не кончались раньше 7–8 вечера, и поэтому мы не имели свободных часов отдыха. Графиня обратила на это внимание и сказала Томашевскому, чтобы он раз в неделю нас отпускал после обеда. Он согласился. Все врачи в этот день (назначили четверг) устраивались так, что кончали свои перевязки к обеду. Но старший врач регулярно «не успевал», говорил, что придет сразу после обеда и отпустит нас, но большей частью мы простаивали весь день, а он появлялся только к вечеру. Но в конце концов графиня настояла, и нас стали отпускать. Палатные сестры были свободны через день, от двух до пяти, и весь день после ночного, но они были заняты 8–10 часов в день.

Как только у нас снова появилось свободное время, мы стали гулять по Львову и его осматривать. Замечательно красивый, большой европейский город, много зелени, сады, интересный старинный собор. Но чаще всего, если хватало времени, мы отправлялись на холм Славы, где были похоронены все убитые на войне и умершие в госпиталях. Это довольно высокий холм за городом, склоны его ярко-зеленые, но, когда поднимаешься на верх, зелень обрывается и видишь громадное плоскогорье, посыпанное светлым песком, и на нем бесконечные правильные ряды белых каменных крестов. Посредине общий памятник. Содержались могилы прекрасно, но этот контраст, между зеленью подъема и голой равниной с крестами, был потрясающий!

Моя работа в перевязочной мне очень нравилась, тем более что Томашевский, несмотря на его свирепость, как хирург был очень интересен: он все время искал новые методы лечения, старался их улучшить. А когда был взят Перемышль, он в тот же день поехал туда, чтобы в австрийских госпиталях поискать что-либо новое. И действительно, он привез идеальный образец шин для вытягивания ног и рук. Сейчас же заказал для госпиталя. Мы стали широко применять их, с прекрасными результатами, правда, сестрам в палатах работы прибавилось. Но, несмотря на интересную работу, я в перевязочной томилась: не было никакого общения с живыми людьми. Привозили к нам раненых с марлей на глазах, так что мы почти не видели лица. Знали всех по фамилии, но это относилось не к человеку, а к ноге, руке, животу и т. д. Тяжело было еще и потому, что сестры, кроме работы, между собой ничего общего не имели: разговоры только о больных, никто друг с другом не сходил, и, будучи всегда на людях, я чувствовала себя одинокой и мечтала перейти в палату.

Но на Пасху на несколько часов порядок нашей размеренной жизни был нарушен приездом Великого Князя Александра Михайловича и Великих Княгинь Ксении Александровны и Ольги Александровны. Они приехали от имени Государыни Марии Федоровны поздравить всех с праздником и привезли всем больным и персоналу большие фарфоровые яйца Императорского завода. Я получила большое белое яйцо с фиалками и вензелем. Великий Князь Александр Михайлович и Великая Княгиня Ксения Александровна медленно обходили всех больных, разговаривали, расспрашивали. Но Ольга Александровна держалась отдельно. Она с начала войны работала сестрой Евгениевской общины⁴, приехала в форме, но вид ее нас поразил – мы все были в полном параде: в своих черных платьях, в белоснежных косынках, кокошниках, белых передниках и крахмальных манжетах. А Ольга Александровна приехала в старом платье, мятой косынке, рабочем клетчатом переднике и в стоптанных желтых туфлях. Когда наши гости уезжали, весь персонал вышел из приворот и окружил автомобиль.

⁴ Община св. Евгении Красного Креста была образована в 1893 г. Комитетом попечения о сестрах милосердия. Название получила по имени принцессы Евгении Ольденбургской, ставшей ее председательницей.

Глава 6

Рукопожатие государя

9 апреля 1915 года во Львов приехал Государь. Прошла торжественная служба в церкви, мы там были, стояли совсем близко от него и хорошо его видели. Нам сообщили, что Государь решил приехать к нам в госпиталь. Начались страшные волнения и приготовления. Приезд был назначен на 11 апреля. Все было готово к приему. Графиня нас, сестер, учила, как себя держать, делать не реверанс, а поясной поклон, не целовать руку... Но вдруг кто-то приехал и сказал, что Государь неожиданно уезжает и не успеет побывать у нас, – огорчение и разочарование были ужасные, но к госпиталю подъехало несколько автомобилей. Это Государь их послал за врачами и сестрами, чтобы мы могли ему представиться на вокзале и проводить. Мы все уже были готовы к приему, в парадной форме, так что сразу сели и поехали.

Нас провели на перрон около царского вагона, от которого шла дорожка в комнаты, где находился Государь со свитой, туда прошла графиня. Старший врач стал нас устанавливать, вернее, сам остался с врачами, выстроившимися вдоль дорожки, а нам сказал стать за их спинами, что мы покорно и сделали. В это время из царских комнат вышел окруженный офицерами свиты Великий Князь Николай Николаевич. Он посмотрел на нас и приказал, чтобы сестры вышли вперед и стали вдоль дорожки, врачам же сказал отойти назад. Моментально, счастливые, мы, двадцать сестер, сомкнулись в одну шеренгу. Все молчали, но волновались страшно.

Вот из комнат вышел Государь с графиней. Мы низко поклонились. Государь шел медленно, останавливался перед каждой сестрой. Графиня называла фамилию, и он подавал руку. Рядом со мной стояла сестра Раич, у которой была Георгиевская медаль. Он ее спросил, где и когда она ее получила. Дальше стояла очень нервная сестра Юрьевич, она не выдержала и поцеловала руку, Государь ничего не сказал, но слегка ее отдернул.

Затем он встал на площадку вагона, мы толпой подошли ближе и, не отрываясь, на него смотрели. Он был в защитном. Небольшого роста, в гимнастерке, такой скромный, но чудный! Какие у него были глаза – добрые, вдумчивые, но грустные. Когда мы подошли, он сказал: «Благодарю всех вас за вашу работу!» Поезд тронулся, и больше мы его никогда не видели.

Мы долго стояли молча и смотрели на удаляющийся поезд. Но надо было спешить в госпиталь, где не оставалось ни одной сестры. Нас быстро отвезли обратно. Ехали молча, каждая переживала эти незабываемые минуты и в своей руке чувствовала «Его пожатие». Я боялась до чего-нибудь дотронуться своей рукой; она была не частью меня, а чем-то священным! Мы были в каком-то дурмане, зачарованные. Прошло несколько дней, пока наконец мы не пришли в себя. Грустный взгляд Государя нас преследовал. Мы молились и шептали: «Господи! Помоги Государю!»

В это время началось отступление из Галиции, может быть, поэтому Государь и прервал свое путешествие. Известия приходили все более и более тревожные.

Глава 7

В плену работы и тоски

Началась эвакуация раненых, скоро у нас не осталось ни одного. Мы свернулись и ждали отправки в тыл.

Но вдруг пришел приказ трем большим госпиталям – перевязывать раненых на вокзале: с фронта из всех госпиталей, лазаретов, отрядов Галиции спешно эвакуировались раненые. Санитарных поездов не хватало, их грузили в товарные и отправляли к Львовскому вокзалу, подходил один поезд за другим. И там надо было всех перевязывать. Эвакопункт справиться не мог. Ведь пока перевязывали раненых с одного поезда, сзади подавали или уже стоял другой. Нам для работы отвели огромный пакгауз. Там стали работать мы, 5-й Кауфманский госпиталь и Крестовоздвиженский. Последний взял на себя заготовку материала. Мы отгородили помещение, и их сестры, чередуясь, день и ночь готовили материал. Мы же ежедневно чередовались с 5-м Кауфманским госпиталем. Работали мы – половина персонала днем и половина ночью, через сутки менялись. В моей группе перевязочных сестер было две, Радкевич и я. Подавали и перевязывали по очереди, так как рук не хватало. Перевязывали все врачи, все сестры и фельдшер. Помогали перевязочные санитары, остальные носили, держали, прибирали. Стояло восемь столов, и еще многих перевязывали, сидя на скамейках. И сейчас не могу себе представить, как я могла успеть всем подавать, кто-то мне все время подкладывал материал, но успевали все. Инструментов хватало: санитары вовремя их прибирали, мыли и кипятили. С нас требовали, чтобы мы считали, сколько человек было перевязано. Каждый, кто перевязал раненого, сообщал об этом мне или Радкевич, когда подавала она, но запомнить их количество было невозможно. Тогда нам поставили одну банку с горохом и одну пустую, с каждым перевязанным мы перекладывали горошину, а потом все пересчитывалось. Сколько времени мы так работали, не помню, но, думаю, что дней десять.

Наступил день нашего отъезда. Нас погрузили в теплушки и довели до Киева. Там развернулись в помещении какого-то училища на Анненковской улице. Помещение было гораздо меньше, чем во Львове. Перевязочная была одна, и меня назначили в палату, в офицерскую. Я так мечтала попасть в палату, но, когда узнала, что к офицерам, пришла в отчаяние. Я умоляла графиню назначить меня к солдатам, плакала, но она не согласилась. На меня напал невероятный страх, я боялась, что не справлюсь, что у меня не будет авторитета. Тем более что среди офицеров были и легко раненные, ходячие. Пришлось покориться, вторая сестра была Раич. Наши палаты находились в отдельном доме во втором этаже. Там же была палата для послеоперационных, особенно тяжелых солдат. В первом этаже жил персонал. Весь же госпиталь находился в главном здании. Надо было перейти через двор. У нас была своя небольшая перевязочная. Помещение очень хорошее: палаты выходили в большой светлый холл, где стоял наш письменный стол и где ночью находилась дежурная сестра. Постепенно я привыкла к своей новой работе, но все же бывало трудно: со многими офицерами у меня установились очень хорошие отношения, но были среди них и капризные, требовательные и недисциплинированные, особенно среди ходячих. Но в общем все они меня любили и не любили другую.

Ночные дежурства были приблизительно на седьмую-восьмую ночь. Они были очень трудные: госпиталь большой и все раненые тяжелые.

Принимая дежурство, от каждой палатной сестры получала записку о том, что надо сделать ночью. А именно: укол камфоры и морфия, следить за пульсом и возможным кровотечением. Все было расписано по часам: одним камфора через три часа, другим через два. За ночь делали по несколько десятков уколов; пока обойдешь всех, надо начинать сначала. Да

еще надо проверять пульс. А когда возможно у кого-нибудь кровотечение, тогда постоянно надо к нему возвращаться и смотреть. В этих случаях, конечно, предупреждался и палатный санитар, который из палаты не выходил и мог следить. За мои дежурства только раз было кровотечение. Когда таковые случались, сейчас же санитар бежит будить врача и операционных сестру и санитаров. Тем временем больного уже вносят в операционную. Инструмент всегда заготовлен с вечера: не проходило и четверти часа, как уже оперируют.

Часов с 5 утра ночная дежурная начинает мерить температуру во всем госпитале, заканчивая своей палатой, где надо еще сосчитать пульс и дыхание, заготовить рецепты и всем сестрам оставить записки. В своей палате надо сделать как можно больше, так как днем заменяет соседка, которой трудно справиться с двумя палатами. После сдачи дежурства, в 8 часов, чай, ванна и спать. Обед приносили в кровать. После обеда обыкновенно вставали и шли гулять, но прогулки по Киеву доставляли мало удовольствия, там царствовал известный своей свирепостью комендант – генерал Медер.

По закону Красного Креста мы, как фронтовые сестры, не имели права снимать форму, а по закону Медера сестры в форме не могли появляться на улице после 7 часов, не могли заходить в кондитерскую, не могли разговаривать с офицерами. Все, что нам оставалось – бродить одним по улицам или зайти в молочную съесть ягод и простоквашу, и не дай Бог запоздать вернуться домой. Все же раз мы, несколько сестер, рискнули и катались по Днепру на моторном катере с одним из моих легко раненных офицеров.

Мне так понравилось, что после дежурства я еще раз поехала с ним кататься на лодке. Домой запоздали, и пришлось ехать на извозчике, но все сошло благополучно. Это было единственное развлечение за несколько месяцев.

Все томились: ни у кого в Киеве не было ни друзей, ни родственников, куда можно было бы ходить.

Глава 8

Переход в другую общину

Я стала просить графиню о переводе на фронт, объяснив причину моей просьбы. Графиня сказала, что это зависит не от нее, но от общины, и обещала туда написать. Был получен отказ. Тогда я написала папе и тете Энни (Анне Романовне Гернгросс, нашей любимой мачехе), прося их похлопотать, что если меня не хотят назначить на фронт, то я прошу меня перевести в один из госпиталей Петербурга, чтобы быть со своими, а не в совершенно мне чужом городе, тоже в тылу.

Папа пошел к старшей сестре общины – Филипповой, она обещала попросить баронессу, но баронесса отказала. Помимо того что я твердо желала уехать из Киева, меня возмутило такое отношение: я чувствовала себя как в плену и продолжала настаивать на переводе. Накануне графиня сказала, что в Киев приезжает баронесса и она просила ее меня принять. Мне была дана аудиенция. В назначенный час я пришла на квартиру к баронессе, но меня заставили ждать около часа. Наконец впустили пред ее «светлые очи»!

Она лежала в спальне на широкой кровати, вся завернутая цыганскими шальями (баронесса по происхождению была цыганка), она не дала мне сказать ни одного слова, долго отчитывала и отпустила.

Что мне было делать? Я настолько оскорбилась и возмутилась, что уступить уже не могла!

В первый выходной день я пошла к главноуполномоченному Юго-Западного фронта, сенатору Иваницкому. Он меня очень хорошо принял, выслушал, сказал, что я права. Я его попросила меня откомандировать в Петербург. Он мне сказал, что с любым врачом, сестрой, санитаром любого госпиталя или лазарета он может это сделать, но что с кауфманской сестрой – нет.

По своей должности он может и с удовольствием выдаст мне все бумаги, но баронесса так сильна, что на первой станции меня арестуют жандармы и привезут обратно: бороться с баронессой он не в силах. Я была не только в отчаянии, но страшно зла и возмущена.

Через силу продолжала работать, но недели через три приехала новая сестра, чтобы меня заменить. Я с радостью готовилась к отъезду, но меня и тут не оставили в покое, графиня несколько раз меня вызывала к себе и уговаривала остаться. Когда она увидела, что я не уступаю, направила меня к старшему врачу. Он долго меня уговаривал и на мой отказ остаться сказал, чтобы я еще подумала и дала на другой день ответ. Снова уговоры, и, когда я снова отказалась, он разозлился, едва попрощался, но я была свободна и скоро уехала.

Меня откомандировали в общину для получения нового назначения. Но я была так обижена и зла, что решила из общины уйти.

В Петербурге я явилась к старшей сестре. Она начала меня отчитывать, но я ее перебила и сказала, что в общине больше не остаюсь, отдала книжку и на другой день прислала вещи.

Узнав мою историю, Ксения Исполатова, которая все время просилась на фронт и ей отказывали, также вернула книжку и вещи, и мы решили вместе перейти в Общину св. Георгия⁵, куда уже перешло много кауфманских сестер, не выдержав тирании баронессы.

⁵ Община сестер милосердия св. Георгия была открыта в 1870 г. под председательством принцессы Е.М. Ольденбургской. Вице-председательницей и попечительницей была графиня Е.Н. Грейден. В 1894 г. общину приняла под свое покровительство Государыня Императрица Мария Федоровна, в то время цесаревна.

Георгиевская община кауфманских сестер принимала с распростертыми объятиями. Мы туда отправились. Попечительница, графиня Шереметьева, нас хорошо приняла, выслушала, обещала принять.

Через некоторое время мы получили вызов явиться в форме Георгиевской общины (коричневое платье с пелериной и круглая косынка) для получения книжки.

С нами вместе пришло человек двадцать сестер, которые окончили курс в общине. Каждую по очереди вызывали к графине и давали книжку, мы остались последними. И нас не вызывали. Ждали довольно долго и стали волноваться. Наконец вызвали Ксению. Она долго была у графини. Но вот она вышла с книжечкой, потом и я тоже получила.

Ксения мне потом рассказала, в чем дело: графиня ей сказала, что баронесса узнала, что нас обеих принимают в Георгиевскую общину и как раз в этот день написала, что если нас примут, то она будет жаловаться Императрице. Графиня объяснила, что она так много приняла кауфманских сестер, что баронесса решила положить этому конец. Графиня стала спрашивать Ксению, кто мы такие, кто наши родители и т. д. Узнав все, она выдала книжки и сказала, чтобы мы не волновались, что она все устроит.

Нас зачислили в резерв Северо-Западного фронта. Сначала мы жили дома, так как нам сказали, что сразу назначения не будет.

Итак, я сделалась сестрой Общины св. Георгия, но кауфманская печать осталась навсегда. В Великую войну⁶ это не было заметно, и я стала забывать, но в Добровольческой армии с самого начала меня всюду назначали с кауфманками. Когда я говорила, что я георгиевская, мне в Управлении отвечали, что, хоть я и перешла в другую общину, я все же кауфманской школы. Я не протестовала, так как попадала почти всегда в свою среду и часто к знакомым сестрам.

Перешла я в Георгиевскую общину осенью 1915 года, 19 сентября. Первое время я с удовольствием отдыхала после года работы. Виделась со всеми родственниками и друзьями, несколько раз была в опере, в наш абонемент, но постепенно все больше и больше меня тянуло работать. И когда Аня Думитрашко попросила меня несколько раз подежурить ночью в Николаевском военном госпитале, где было мало сестер, я с радостью согласилась.

Николаевский госпиталь работал, как в мирное время: там сестер не полагалось. Аню Думитрашко родители не пустили на фронт, она же не захотела работать в фешенебельных петербургских лазаретах, где лежали почти всегда легко раненные, окруженные дамами-патронессами. Она сговорилась с тремя сестрами Султан-Шах, и они предложили свои услуги в Николаевский госпиталь.

Работали там все время, и работы было много. Потом туда пришло еще несколько сестер.

Наконец в декабре 1915 года Ксению и меня вызвали в резерв сестер. Мы туда переехали и в конце декабря получили назначение в Житомирский этапный лазарет, стоявший в Вольмаре, в Латвии.

⁶ Первую мировую войну.

Глава 9

Житомирский этапный лазарет

В самых первых числах января 1916 года мы поехали. Лазарет помещался на окраине города, на опушке большого леса, у самой реки Аа. Это было помещение Учительской семинарии. Лазарет был небольшой, и мы только занимали небольшую часть. В семинарии занятия продолжались.

Встретили нас в лазарете хорошо: дали на нас двоих отдельную комнату, но быстро и мы, и персонал лазарета поняли, что не сойдемся: слишком мы были разные и друг другу чужие. Весь персонал лазарета – два врача, жена старшего врача и четыре сестры – был из Житомира. Все они были дружны между собой, у них были общие интересы и одинаковое отношение к работе. Они были профессионалы, работали, как чиновники. Сестры – три общинских, две из них уже пожилые, наконец, молоденькая полька была сестрой-хозяйкой. Кормила очень однообразно и удивительно невкусно. Часто какими-то польскими блюдами.

Лазарет был полон ранеными и больными, почти все лежачие, но особенно тяжелых не было. Мы сразу взялись за работу, так, как мы ее понимали, – работать хорошо нам не могли запретить, но сестрам, даже старшей, это не понравилось: они привыкли себя не утруждать. Делали все необходимое, но ранеными не интересовались: кончив все назначения, усаживались отдыхать, а ночью, уткнувшись где-нибудь в уголку, просто спали. Мы же обе работали по-кауфмански – если не было дела, его находили: часто читали солдатам, что-нибудь рассказывали, писали для них письма. На свое жалованье покупали им леденцы, папиросы. Некоторых солдат помню и сейчас. Было два молоденьких совсем, с мокрыми плевритами. Совсем дети! С ними мы особенно возились, они нас слушались, нам верили и всегда при выкачиваниях жидкости просили, чтобы одна из нас их держала.

В моей палате лежал контуженный солдат Иван, фамилию не помню, он лежал тихо, как будто без сознания. Потом стал постепенно понимать, что от него хотели. А потом и то, что ему говорили, но сам еще не произносил ни слова – был немой. Я постоянно к нему подходила, что-то рассказывала, он с удовольствием слушал и жестами старался объяснить, что ему надо, и всегда следил за моими глазами. И вдруг он стал издавать какие-то звуки и со страшным усилием закричал: «Сестрица!» – и потом долго все повторял, точно хотел запомнить. За этим первым словом сказал другое, тоже часто повторяющееся в палате, за ним третье. Я поняла, что он говорить может, но забыл слова. Стала с ним заниматься, учить его разным словам. И то слово, которое он раз сказал, он уже не забывал. Так я научила его говорить, и, когда он выписался, он мог разговаривать.

С санитарями у нас установились прекрасные отношения, и мы им вполне доверяли: санитары были не только наши подчиненные, но и друзья! Сколько раз на ночном дежурстве, когда все спят, все тихо, подходит санитар, присаживается на пол около моего стула и начинает рассказывать про свою деревню, про свою семью. Часто мы им писали письма домой, а иногда доходило до того, что они приходили с нами советоваться.

Раз на моем дежурстве санитар принес письмо от жены, где она писала, что одна не справляется с хозяйством, что ей предлагают в помощь пленного немца, и спрашивала мужа, что ей делать. А он пришел за моим советом: с одной стороны, жена не справляется, а с другой – можно ли впустить немца в дом?! Он очень волновался! Но что молоденькая петербургская барышня могла посоветовать женатому мужику? Что я ему говорила и к чему мы пришли, я не помню.

И санитары и больные нас обожали: все выписавшиеся больные нам писали письма. На конверте было обыкновенно написано: «Двум сестрицам петроградским». Бывали письма очень трогательные, особенно от уссурийских и амурских казаков, которые писали свои

письма так: «Лети, мой листок, на Дальний Восток и никому в руки не давайся, как только моей сестрице милосердной!» Часто бывали наклеены картинки, голуби, незабудки... Мы на каждое первое письмо отвечали, но, когда получали по второму, отвечали уже не всем, и только с некоторыми переписка продолжалась. Мы хранили все письма, и у нас их набралось несколько больших пачек.

Врачам и сестрам и наша работа, и обожание, которое нас окружало, очень не нравились, особенно сестрам: они поневоле должны были больше работать и страшно нам завидовали. Никаких ссор не возникало, но они нас не любили. Из лазарета нас откомандировать не находилось причин, и они решили от нас избавиться хоть у себя в помещении, поэтому нас из здания лазарета перевели в отдельный домик, где у нас была чудная большая комната. Окно выходило в парк, где стояли большие русские качели. Мы этому переселению очень порадовались: жили совсем одни. По вечерам летом, сняв форму, в капотах летали на качелях. Еще зимой мы из Петербурга выписали коньки и ходили на городской каток, а иногда просто на речку Аа.

Так как ночные дежурства приходились на четвертую ночь, у нас было много выходных дней, к тому же мы все по очереди на неделю освобождались от палаты и хозяйничали. Поэтому времени для себя было достаточно. Мы с Ксенией взяли напрокат рояль, вернее старинный клавесин, нашли учительницу и стали брать уроки. Вечерами играли в четыре руки. Жили очень дружно, но иной раз и крепко ссорились.

Главные ссоры происходили из-за ее вечных влюбленностей – через год войны она осталась такой же наивной и увлекающейся институткой: всегда была в кого-то влюблена, ждала предложения, – я вмешивалась, она сердилась, и получались ссоры. После разочарования – слезы, отчаяние, – и мы живем снова в мире. Но это происходило только у нас в комнате: на работе мы были всегда одинаково дружны.

Летом мы познакомились с двумя кавалерийскими офицерами (конского запаса), которые с лошадьми почему-то стояли недалеко от нас, мы несколько раз катались с ними верхом.

Все сестры по очереди по неделе бывали хозяйками. Произошло это так: кормили нас удивительно невкусно и однообразно, нам обеим это не нравилось, мы ворчали, а Ксения, как всегда, громко выражала свое неудовольствие. Раз как-то старший врач на это рассердился и объявил, что если мы недовольны, то будем тоже хозяйничать (поэтому у нас были свободные дни и часы). Ксения обрадовалась, она любила это дело и кое-что в нем понимала, я же впала в полную панику, но Ксения обещала мне помогать.

Первой сестрой-хозяйкой назначили ее, и справилась она прекрасно, хотя повара у нас не было, а только простой кашевар. На сладкое Ксения каждый день делала мороженое, и каждый раз новое. Обходилось оно недорого, и она из бюджета не вышла.

После нее хозяйничала я, которая ничего не умела. Ксения из палаты прибежала учить меня делать котлеты. У меня мороженое было тоже каждый день. Всем наш стол понравился, и остальные сестры стали повторять наше меню. Кормиться стали хорошо!

Раз как-то летом в лазарет пришло приглашение на *Concours hippique*⁷ от Нерчинского казачьего полка, стоявшего недалеко от нас. Им командовал генерал Врангель. У нас заволновались, и все хотели туда попасть.

Но все было решено без нас: запрягли лазаретную коляску, в нее сели старший врач, его жена, три сестры, и они уехали. Остались в лазарете дежурная сестра и мы две, которые в этот день были свободны. Но нам безумно хотелось тоже попасть на конкур. Недолго думая, мы пошли быстрым шагом по тропинкам. Успели к самому началу.

Встали около изгороди, довольно далеко от палатки, где был Врангель, его штаб и офицеры. Наши лазаретные стояли недалеко от них.

⁷ Конные состязания (фр.).

Прошло два или три номера, как к нам двоим подошел офицер и сказал, что командир полка и его жена просят нас перейти к ним. Мы сейчас же пошли. Проходя мимо наших, мы увидели их изумленные недовольные лица.

Баронесса Врангель встретила нас очень приветливо, познакомила со всеми. Там мы досмотрели все до конца. А затем нас пригласили закусить и выпить чай. Довольные и счастливые, мы вернулись домой, где нам никто ничего не сказал. Все сделали вид, что нас не замечают.

Через несколько дней к лазарету подъехала баронесса Врангель. Старшая сестра бросилась ее встречать и стала приглашать войти, но баронесса ответила, что она приехала отдать визит сестрам Исполатовой и Варнек и просит нас об этом сказать. Нас вызвали, и мы в саду втроем сидели и разговаривали. Мы вначале не понимали, почему к нам такое исключительное внимание. Но потом сообразили: у нас все время лежали больные казаки, многие потом возвращались в полк. Это, конечно, они нас расхваливали, как могли, рассказывали и об остальном персонале.

Вскоре нас перевели ближе к Риге, на станцию Лигат. Стоянка пустынная, без зелени. Стали понемногу получать раненых. Запомнился один: он, по-видимому, был контужен. Лежал с дикими, широко раскрытыми глазами и, как только кто-нибудь войдет в его палату, пронзительно свистел. Такой свист я никогда ни раньше, ни позже не слышала. Прележал он у нас несколько дней и скончался. Наши врачи ничего не понимали в его состоянии и решили сделать вскрытие, мне разрешили при этом присутствовать. На меня оно произвело удручающее впечатление.

Мы узнали, что недалеко от нашей станции находится так называемая Ливонская Швейцария. В один из свободных дней мы туда отправились. Там было поразительно красиво и интересно. Местность сильно холмистая, вся в лесах и перелесках, а на остроко-нечных вершинах холмов стоят старинные замки. Мы пошли осматривать Зегевольд, принадлежавший княгине Кропоткиной, урожденной баронессе Рихтер. На срезанной вершине отвесной горы мы увидели развалины старинного громадного замка. Стояли части стен, башен. От него открывался вид далеко кругом и на другие вершины, где находились замки других рыцарей. Около развалин в Зегевольде стоял замок более новой постройки, гораздо меньше и ничего интересного собой не представляющий. Это, вернее, был громадный каменный дом, там до войны постоянно жили Кропоткины.

Глава 10

Тяжкие дни в Риге

4 июля 1916 года к нам приехал из Риги грузовик с приказом немедленно командировать в распоряжение главноуполномоченного Северо-Западного фронта одного врача, двух сестер и десять санитаров. Сейчас же все были назначены. Поехали младший врач, санитары и мы две. Местные сестры были рады от нас избавиться. Собрались быстро. Вещей почти не взяли, уселись на грузовик и поехали. Зачем, почему, никто не знал! Спрашивали шофера, но он смог нам сказать только о том, что под Ригой были большие бои. А зачем нас вызвали, он не знал.

В Риге заехали в Управление Красного Креста, и нас сразу же направили в приемник Красного Креста, находившийся в огромном здании семинарии.

Там нас встретила симпатичная старшая сестра. Она нам объяснила, что потери в последних боях страшные. Все госпитали переполнены, санитарных поездов не хватает и поэтому приемник завален ранеными. Из всех лазаретов Рижского района были вызваны спешно врачи, сестры и санитары – для работы в нем.

Раненых было столько, что не только коридоры, но и площадки широкой лестницы были полны. Привезли их недавно, и надо было наладить спешно работу. Нас обеих старшая сестра назначила в два больших широких коридора на одном и том же этаже. Раненые лежали большей частью прямо на полу. Кое-кто на носилках. Мы должны были всех обойти и сообщить о более тяжелых, которым спешно нужна перевязка. Поили их водой и старались лучше уложить.

Но прошло не больше часу, как вернулась старшая сестра и сказала, что перевязочная готова, начались перевязки и там работают две сестры, но нужны еще две, так как работа будет идти без перерыва день и ночь, а кроме того, необходимо найти и операционную сестру: из всех присланных (около сорока) сестер она нашла лишь только двух перевязочных, которые сейчас работают, и ни одной операционной. Это и понятно, так как ни один госпиталь своей операционной и перевязочной сестер не пошлет. К нам старшая сестра обратилась в последнюю очередь. Мы сказали, что мы обе перевязочные сестры и помогаем в операционной. Ксения сказала, что она несколько раз заменяла операционную сестру. Старшая сестра страшно обрадовалась и сказала, что назначает нас, но Ксения запротестовала, сказав, что она самостоятельно никогда не работала, опыта у нее нет и что она не может взять на себя такую ответственность. Но выхода из положения не было: надо оперировать, а сестер нет, и ей пришлось согласиться. Но она поставила условие, что я всегда буду ей помогать и что все наши санитары будут назначены в перевязочную и чтобы ни одного постороннего санитаря там не было: мы своих людей знали и им можно доверять, с ними мы будем спокойны, что все будет чисто, инструмент будет действительно хорошо вымыт, прокипячен и что в наше отсутствие ничто не будет переставлено и никто не дотронется до стерильного материала.

Старшая сестра согласилась и повела нас в «святая святых». Там уже шли перевязки. Старшая сестра представила нас старшему врачу, доктору Фовелину, известному в Риге хирургу, имевшему там свою клинику.

Ксения ему откровенно сказала, какая она неопытная операционная сестра и что она боится, что не справится. Фовелин ее ободрил и сказал, чтоб она не стеснялась обращаться к нему с вопросами. Сейчас же мы сговорились с двумя другими сестрами о распределении дежурств. Мы должны были работать в две смены и, чтобы не работать одним всегда ночью, а другим днем, мы устроились так: проработавшие ночью с 8 вечера до 8 утра должны были после смены уходить отдыхать, обедать в час и возвращаться на работу – до 8 часов вечера,

когда другая пара после ужина приходит на ночное дежурство. Первая смена идет ужинать, спать и к 8 утра снова на работу.

Распределено было хорошо и точно, но на деле получилось совсем иное. Когда мы начали работать в перевязочной, было уже довольно поздно вечером, две другие сестры ушли. На перевязках все время подавала я. Ксения сначала все осматривала, разбиралась в инструментах, а затем, когда все изучила, стала помогать врачам при перевязках.

Когда Фовелин объявлял, что начинается операция, Ксения шла на свое место, а я ей помогала. Во время первой операции мы очень волновались, но все сошло благополучно, и мы стали смелее. Операции чередовались с перевязками, ночь прошла быстро, но, когда утром другие сестры пришли нас сменять, мы уйти не могли, так как в это время шла операция.

Когда наконец она закончилась, мы спустились пить чай. Но не успели встать из-за стола, как за нами прибежали и сказали, что нас ждут на операцию.

Мы побежали, но за одной операцией последовала другая, третья... Перевязочная была очень большая, и в другом ее конце перевязки делали две другие сестры. Если все врачи были заняты у нас, то их сестры шли в находящуюся рядом материальную готовить материал. Это лежало тоже на нашей обязанности. И так мы проработали весь свой отдых, едва успев сбежать пообедать, и вступили в собственное дежурство. Другие две сестры свое свободное время работали в материальной. Ночью мы должны были быть свободны, но операции шли одна за другой. Едва успевали передохнуть от одной, как начиналась другая.

Мы решили не уходить, сидели в материальной и крутили шарики или делали тампоны и т. д. Так шли сутки за сутками. Днем, если бывала свободная минута, мы шли в сестринскую комнату. Эта была большая проходная комната среди госпиталя, где стояли шесть или семь чистых носилок. Мы приходили туда, бросались, в чем были, на носилки и засыпали, пока не приходили нас звать снова наверх. Несмотря на то что сестер было около сорока, всегда мы находили свободные носилки. На двух-трех спят какие-то сестры, а часто и все места были не заняты. Но туда мы ходили только днем, так как это было далеко. Ночью сидели в материальной, тем более что надо было все время заготавливать материал. Раз ночью мы сидели с Ксенией и работали. Я сидела на краю большого ящика, наполовину наполненного ватой, и что-то делала. Через сколько времени – не знаю, но я проснулась. Из ящика торчали мои ноги и голова.

Хотя наша перевязочная была хорошо оборудована, инструмент для операций весь был, но не было дубликатов. Много пришлось делать ампутаций, и кончилось тем, что пила иступилась. Спешно послали ее поправить и попросили на складе Красного Креста другую. Но там ответили, что раздали все, что у них было. Хотели купить, но тоже не нашли. Послали санитаря с запиской по госпиталям с просьбой одолжить – во всех госпиталях отказ: нужна самим! Что было делать? У нас должна была быть спешная ампутация. Тогда Ксения побежала сама в ближайший госпиталь. Ей обещали дать, но сказали подождать, так как у самих идет ампутация. Когда операция закончилась, пилу Ксении дали, но с условием, что, как только мы закончим, немедленно им вернуть.

Эти дни в Риге были кошмарными. Такая чудовищная работа длилась две недели. На третью наших раненых стали эвакуировать, работать стало легче: по ночам уже почти не оперировали, и мы через ночь могли почти всегда уходить. Сестры стали разъезжаться, нам дали комнату на двоих, где у каждой было по кровати.

К концу третьей недели работа стала нормальной. Эвакуация продолжалась, и со дня на день мы ждали окончания нашей командировки. Но в ночь на 24 июля у Ксении сделался сильнейший приступ аппендицита. Доктор Фовелин ее осмотрел и сказал, что надо немедленно оперировать в его клинике. Я ее туда перевезла, и, не теряя ни минуты, Фовелин ее прооперировал. Я присутствовала на операции. Ее положили в чудную отдельную комнату.

Ухаживала прекрасная сестра Рижской общины. На ночь я уходила, но днем просиживала там.

Ксения быстро поправлялась. Работа в приемнике кончилась, и нам дали месячный отпуск.

Я отвезла Ксению в имение ее матери под Петербургом и поехала к своим родителям в наше имение в Туапсе. Приехала туда 9 августа, чудно провела там время.

2 сентября мы обе явились в Управление в Риге. В наш лазарет мы вернуться не могли, так как туда уже назначили других сестер. Мы немного жалели, так как там нам жилось хорошо.

Так как на Рижском фронте работы не было, нас откомандировали в резерв в Петербург, куда мы прибыли 5 сентября.

Нас тянуло больше на Юго-Западный фронт, так как на севере мы не видели возможности устроиться в передовой отряд, да еще вместе.

Нас из резерва откомандировали в общину, и оттуда 15 сентября нас перевели на Юго-Западный фронт, в резерв в Киев, для получения назначения в отряд. Мы уехали 18-го, 20-го явились в резерв и получили назначение в Рижский передовой отряд, организованный на средства прибалтийского дворянства.

Начальник отряда был князь Кропоткин. Отряд был очень большой – лазарет, конные летучки, конный и автомобильный транспорты. Его штаб находился в вагоне в тылу отряда. Там жил и сам князь. К нему мы явились 23 сентября на какой-то станции в Галиции, и он нас отправил в Монастержиск в Галиции.

Часть вторая Когда фронт разваливается

Глава 1 Рижский передовой отряд

Осенью, 29 сентября 1916 года, Ксения Исполатова и я были назначены в Рижский передовой отряд Красного Креста, в Галицию.

Отряд мы нашли в Монастержиске. Встретили нас хорошо, и мы быстро со всеми подружились. Совсем случайно мы узнали, что недалеко от отряда стоял авиационный дивизион, которым командовал двоюродный брат Ксении – Ильин, а одним из летчиков был его брат. Мы сейчас же отправились туда, решив, что обязательно будем летать. Ксения до того затормошила Ильина, что он сказал, что ничего не хочет знать об этом, не имеет права разрешить нам летать, и уехал.

На другое утро мы явились очень рано, и один из летчиков нас по очереди «покатал» на малюсеньком открытом аппарате. Нас крепко прицепили ремнями, и мы как бы повисли в воздухе. Страшно не было, переполняло только чувство гордости – быть выше всех и смотреть на маленькие домики и автомобили как на букашки.

Вскоре после нашего приезда в отряд его перевели в Киев; стояли мы в лагере на Сверце, жили по две в маленьких офицерских домиках. Так как отряд носил имя Государыни Императрицы Марии Федоровны, нам пожаловали ее вензеля. Мы, сестры, носили на левом рукаве серебряный шитый вензель на малиновом сукне. В это время Государыня была в Киеве и сообщила, что приедет осматривать отряд. Началась лихорадочная подготовка к параду; наконец состоялась генеральная репетиция, все было замечательно красиво и торжественно: начальник отряда, князь Кропоткин, скакал на белом коне! Проходили конные летучки, лазарет, два автомобильных транспорта. Все заново отремонтировано, везде вензеля. Радовались и волновались, в ожидании самого парада. Но Государыня заболела, и парад не состоялся.

Перед Рождеством мы обе и часть отряда были спешно отправлены в Румынию, в Текуч. Рождественскую ночь мы провели, сидя в тесном купе вагона, у окна стояла елочка, которую мы взяли из Киева.

Мы приехали в Текуч в самый разгар отступления румынской армии. Когда мы со станции добирались к месту нашего жительства, навстречу шли толпы солдат, ехали офицеры, многие из них сидели на возах с мебелью и вещами, ничего общего с военными не имеющими. Многие кричали, чтобы мы бежали!

На другой день мы начали помогать в одном русском госпитале, переполненном ранеными. Ходить было довольно далеко. Жидкая грязь заливала улицы, и мы могли пробираться только благодаря большим сапогам, а сестру Мару Сильвень санитары перетаскивали на руках, так как у нее не было сапог. Проработали мы там всего несколько дней, а затем нам сообщили, что приходит с фронта санитарный поезд и мы должны перейти на него. Это оказался румынский санитарный поезд «Trenul Sanitar Trizeccinove»⁸ – одни теплушки без печек, дачный вагон-кухня и два классных для персонала: один дальнего следования, но со всеми разбитыми окнами, конечно, без отопления, и другой – маленький, дачный, с открытыми площадками, без уборной и, конечно, совсем холодный. 31 декабря все было пригото-

⁸ Санитарный поезд трезвости (румын.).

лено к отправке на поезд: чемоданы уложены, все в пальто, елочка на столе. Стоя дождались 12 часов ночи, выпили по стакану вина и пошли грузиться.

В это время нагрянули морозы. Поезд, который пришел с фронта, был переполнен ранеными, исключительно русскими, лежащими прямо на полу. Их не сопровождал даже санитар!

Работать начали дружно: первое – это убрали умерших от ран и замерзших; доставали и подкладывали солому, постепенно поставили печки, делали нары... Рейсы были очень тяжелые: сильнейший мороз, часто пути заносило снегом. Спали, не раздеваясь, в спальнях мешках. Воду для умывания оттаивали на примусе. Часто бывали крушения, но, слава Богу, небольшие: рвался поезд, скатывался вагон под откос, в последний момент останавливались перед провалившимся мостом... Но всегда все кончалось благополучно. Больше всего пережили во время рейса Текуч – Галац – Рени и обратно по Серету вдоль линии фронта, где мы должны были подбирать раненых. На обратном пути, между Рени и Галацом, попали под страшный обстрел из тяжелого немецкого орудия. Поезд шел совсем медленно по насыпи, с двух сторон болото. С левой стороны, за болотом и рекой, горы, откуда стреляли немцы. Мы им были хорошо видны. Каждый раз, как днем проходил поезд, его обстреливали. Накануне был разбит паровоз, и мы видели его лежащим под насыпью и рядом убитого человека, которого еще не успели убрать. Снаряды рвались то с одной, то с другой стороны полотна. Громатные столбы воды и грязи взлетали кверху. Мы, сестры, все трое сидели вместе. Было жутко, но красиво! Санитары, румыны, все убежали под насыпь, и многие на поезд больше не вернулись. Наша кухонная команда, русская, лежала под плитой с кастрюлями на головах!!! Один снаряд разорвался на самой насыпи, и осколками убило одного и ранило другого пассажира, которые ехали на площадке «зайцами». Проехав опасное место, мы вздохнули, но на вокзале Галаца, который все время обстреливался, было «жарко»: пробило одну теплушку.

Мы, три сестры, были представлены к Георгиевской медали. Начальник отряда через некоторое время нас поздравил, сказав, что на днях получим бумаги, но из-за начавшейся революции мы их не получили.

Вечером мы двинулись дальше, так как вдоль фронта надо было проехать ночью. Но среди ночи наш сестринский вагон, с длинными ступеньками вдоль всего вагона, зацепился за снег и оторвался от передней части состава, который без нас укатил дальше. Волнение, конечно, страшное: полпоезда стояло в беспомощном состоянии, а утром должен был начаться обстрел, но машинист на какой-то станции узнал о своей потере и успел вернуться за нами.

В начале февраля 1917 года Ксения и я заболели сыпным тифом. Лежали в Яссах – в Евгениевском госпитале, в отдельной комнате, за нами ухаживали наши сестры и мать Исполатовой, приехавшая из Петербурга. Тиф был не тяжелый. Больными, в полусознательном состоянии, мы узнали об отречении Государя. Были очень подавлены, плакали. Ксения все вскакивала, становилась на колени и твердила: «Боже, спаси Государя!» Все в отряде были убиты этим известием, одна только сестра, Ася Языкова, казанская помещица, пришла от него в восторг, спорила со всеми, очень скоро бросила отряд и уехала к себе в имение – «делить землю».

Мы начали поправляться. Революция еще не чувствовалась. Наш отряд стал тут же, в Яссах, где его силами формировался прекрасный санитарный поезд, из пульмановских и международных вагонов. Старшей сестрой должна была быть Великая Княгиня Виктория Федоровна, сестра румынской королевы. Нас обеих из госпиталя перевели в поезд, и каждый день на двуколке мы уезжали за город в Соро, где стояла одна из летучек. Там мы набирались сил, дышали чудным воздухом и запахом сирени, которой было множество. Кроме поезда, отряд организовал около вокзала питательный пункт для румынского гарнизона: все солдаты

там голодали, тиф свирепствовал и смертность была ужасающая. Мимо нашего поезда каждый день проходил грузовик с трупами солдат.

Питательный пункт был устроен в двух громадных палатках, в которых стояли столы со скамейками. Пища варилась в поезде – жирный густой суп с куском мяса, каша, хлеб.

На открытие прибыла сама королева со всей свитой. Одеты очень скромно, во все черное. Но офицеры свиты произвели ужасное впечатление: затянутые в корсеты, напудренные и даже с подмазанными губами!

Пищу разливала я: все было приготовлено прекрасно, но забыли длинную разливательную ложку (черпак), поэтому я черпала кастрюлей, вследствие чего первые солдаты получили довольно жидкий суп.

Королева немного опоздала, и, когда я ей дала пробу, у нее оказался чудный густой суп, который она очень похвалила. Потом обошла столы, внимательно рассматривая, и, когда вернулась ко мне, смотрела, как я разливаю. Наконец улыбнулась и сказала: «Теперь я поняла – у вас нет разливательной ложки!» Говорила она с нами по-французски. На другой день ложку достали!

На Св. Пасху наш отряд был приглашен в собор на королевскую заутреню. Весь собор был заполнен войсками. Публики не было. В первом ряду перед румынскими солдатами стояли мы. Перед нами – большое пространство, где по бокам на возвышении стояли: налево – королева, принцессы и ниже ряд придворных дам; направо – король, министры и придворные. На одном клиросе – представители всех союзников, а на другом – наши русские офицеры. Служба была очень торжественная, но больше напоминала театр. К кресту король не подошел, а все духовенство торжественно подошло к нему, и митрополит или епископ (не помню) дал королю приложиться, передал ему другой крест и подошел к королеве. Потом все придворные и офицеры-союзники гуськом прошли по середине церкви, останавливаясь и кланяясь королю и королеве, подходили к королю, и он давал им целовать крест. Ни мы, ни солдаты к кресту не прикладывались. У нас у всех создалось впечатление, что служба не Богу, а королю.

Вскоре после этого в отряде начались беспорядки, появился какой-то комиссар, прапорщик Куровский, грозил арестами.

Все же мы двинулись в Марашешты, ехали в новом санитарном поезде, погода была чудная, почти всю дорогу сидели на крыше вагона, куда санитар нам раз подал чай. Правда, ехали медленно. Думали работать, но дела становились все хуже и хуже. Постепенно все начали разъезжаться. (Ксения уехала раньше, вскоре после выздоровления, – 30 апреля 1917 года.) Я же – с одной из последних групп. Очень трудно было расставаться с родным РИЖ-ОТом⁹, который мы так любили и где так дружно жили и работали.

⁹ Рижским передовым отрядом.

Глава 2

С военно-санитарным поездом

По возвращении в Петербург (9 мая 1917 года) вскоре мы обе с Ксенией получили назначение в госпиталь на Васильевском острове в помещении Патриотического или Елизаветинского (забыла) института. Жили мы там, у нас была хорошая отдельная комната. Сначала и работа, и наша жизнь шли довольно нормально. В это время «царил» Керенский, он говорил речи о продолжении войны, призывал всех идти на фронт!

Все больные и раненые госпиталей, которые могли ходить, устроили грандиозную манифестацию, дефилировали по улицам в сопровождении своих сестер. Много плакатов с надписями: «Залечим свои раны и вернемся на фронт!» Публика вокруг смотрела с восторгом и умилением: давали папиросы, деньги, которые сестры собирали в фуражку. Каждая из нас шла сбоку, около своих больных, шедших рядами. Но очень скоро после этого начался развал: сестер стали притеснять, кормить отвратительно, вследствие чего Ксения заболела дизентерией. Ее увезли домой. Я оставаться одна была не в состоянии, ушла тоже (27 сентября 1917 года), но скоро получила назначение в 604-й военно-санитарный поезд, бывший Великой Княгини Марии Павловны-младшей; надпись была замазана краской, но просвечивала на всех вагонах.

Меня назначили перевязочной и операционной сестрой и поместили жить в перевязочный вагон, прекрасно оборудованный. Весь громадный вагон был занят перевязочной, и только с одной стороны – маленькая стерилизационная, а с другой – мое полуторное купе и моя уборная. Против моей двери в коридоре – телефон: в вагон команды и персональский. Я была полная хозяйка в своем вагоне и совсем одна, чему страшно радовалась. Персонал поезда был мне совсем незнаком, все они сжились между собой, и общего у меня с ними ничего не было. Мое купе я очень уютно устроила и любила там сидеть. Только когда немного позже к нам назначили Юлю Думитрашко (двоюродную сестру Ани Думитрашко), она часто приходила ко мне. В персональский вагон я заходила только для того, чтобы поесть. Даже не помню сестер. Старший врач – еврей Цацкин, прекрасный врач, очень энергичный, и с ним приятно иметь дело. Он часто приходил в перевязочную, работал быстро и умело. Был требовательный, но у нас с ним были прекрасные отношения. База нашего поезда была Великие Луки: стоянка унылая! Станция далеко от города, который был больше похож на большое селение. Дороги до города во время дождей почти непроходимы. Мы редко выходили из поезда, часто сидели без дела, ожидая вызова.

Боев почти не было: *фронт разваливали!* Когда нас вызывали грузиться, мы получали очень легко раненных, а больше всего симулянтов. Рейсы совершали от Режицы, немного дальше и обратно в Петербург, через Псков, или на Москву.

Раз в Москву прибыли на другой день после большевицкого¹⁰ переворота. Мы ничего не знали. Разгрузились и пошли гулять. Мы знали, что накануне были стрельба, беспорядки, но не обратили на это никакого внимания. Я, как всегда, пошла одна. Решила посмотреть Кремль. Прошла Красную площадь, вхожу в ворота, меня останавливает часовой и спрашивает пропуск, которого у меня, конечно, не было, да я и не поняла, в чем дело. Объяснила человеку, что я приехала с санитарным поездом и хочу осмотреть Кремль, поэтому прошу меня пропустить. Солдат оказался симпатичным, на мое счастье. Он мне ответил: «Сестрица, впустишь-то тебя я впущу, а оттуда тебя не выпустят. Уходи-ка лучше поскорее!» Тут только я начала соображать, что дело неладное, и поторопилась уйти.

¹⁰ Сохранена орфография автора (*прим. ред.*)

После большевицкого переворота в команде стало беспокойно: санитары отказывались работать, возражали, предъявляли требования, многие просто уезжали. Старший врач не потерялся, он предложил всем недовольным уехать, а на их место тут же, в Великих Луках, нанял вольнонаемных баб: желающих оказалось много. Их поселили в командный вагон, надели на них белые халаты, повязали головы белыми платками и распределили по работам. Платили и кормили хорошо, но доктор заставил их подписать условие: за первые два проступка – выговор и штраф, а за третий – высаживание из поезда на ближайшей станции, в какой бы части России это ни случилось. Строг был Цацкин с ними очень: гонял и заставлял работать.

Но когда одна из баб решила выйти замуж за санитаря, свадьбу отпраздновали пышно: все в санях ездили в церковь, а затем в пустом вагоне было угощение и даже «бал»! Оркестром была я, с моей балалайкой. Провинностей почти никто не совершал, кроме одной бабы, которую в конце концов оставили на какой-то станции, далеко от Великих Лук. После этого была жизнь и Божья благодать.

В начале 1918 года наш поезд вызван был в Петербург, для обмена военнопленных инвалидов. В Петербурге мы погрузили австрийцев, венгров и несколько турок. Мне дали вагон с офицерами, но их из-за предосторожности всех поместили в отдельный солдатский вагон, а в офицерский положили тяжелых лежачих инвалидов.

Работы было мало, но, проводя весь день в вагоне, я привыкла к раненым и со многими даже подружилась. Особенно симпатичная была венгерская компания: венгры много говорили о событиях в России, ничего хорошего не предвидели, и некоторые из них дали мне адреса, говоря, что, когда у нас будет совсем плохо, я могу к ним приехать и они мне помогут. Тогда я всему этому не верила еще, но правы оказались они.

Поезд наш пустился в путь под датским флагом, и с нами ехал атташе датского посольства. Обмен должен был произойти в Бродах, на границе Галиции. Выехали мы очень довольные, думая сделать приятное путешествие и вернуться обратно недели через две. Но не тут-то было! Только до Брод мы ехали ровно месяц! Само путешествие в прекрасном поезде при нетрудной работе было одно удовольствие. Но разруха в стране, разные фронты, перерезанные пути доставляли нам много волнений и даже жутких моментов.

До Москвы мы доехали благополучно и собирались таким же образом следовать дальше, но оказалось, что прямой дорогой на Киев по каким-то причинам ехать нельзя. Стали искать окольные пути. Наконец двинулись, стремясь на Киев. Ехали долго, застревали на станциях, много раз пытались боковыми дорогами свернуть на нужный нам путь, но нас каждый раз возвращали обратно. Что происходило, никто не знал. Наш датчанин посылал телеграммы, хлопотал, но и его хлопоты оставались безуспешными, однако из неприятных положений он несколько раз нас выручал. Питались мы неважно, только запасами поезда, так как нигде ничего достать было нельзя. После тщетных попыток добраться до Киева, ползая вперед и назад, было решено оставить его в стороне и ехать просто на юг. Добрались до Елизаветграда.

На вокзале грязь и беспорядок страшные! Везде разбитые ящики, бумаги, обломки. Вид у всех растерянный! Оказалось, что накануне сделала налет на станцию Маруся Никифорова со своей шайкой. Разграбили что могли!

Дальше Елизаветграда нас отказались пропустить. День был солнечный, весенний; мы, сестры и санитарки-бабы, высыпали на платформу, гуляли, грелись на солнце. Вдруг на второй путь подошел поезд с красноармейцами, шумными, нахальными. Увидев нас, они немедленно отправили делегацию к старшему врачу с требованием передать им половину сестер: они идут в бой умирать за родину и т. д., а у нас такое количество сестер (они считали и санитарок, одетых в белые халаты).

С большим трудом Цацкин всех нас отстоял, велел немедленно запереться по своим купе и не высовываться из окна. Запер он и вагоны. Так просидели мы довольно долго, пока красноармейцев не увезли.

Цацкин и датчанин, не переставая, хлопотали, чтобы нам дали паровоз и разрешили ехать дальше, но им отвечали, что недалеко фронт, что наступают немцы и ехать нельзя. Все же, в конце концов, кажется, через сутки, нас пропустили, взяв обещание немедленно вернуться обратно, если увидим, что немцы приближаются.

Все обещания были даны, и мы двинулись; ехали медленно. Остановились у какого-то полустанка. Пришел встречный эшелон с красноармейцами. Их начальник сейчас же потребовал от Цацкина объяснения, почему мы тут, и приказал немедленно пятиться обратно, сказав, что они уходят последними и что дальше немцы. Стал угрожать и заявил, что если мы немедленно не поедem за ними в Елизаветград, то прилетит за нами и расправится как с изменниками. Никакие объяснения ни доктора, ни датчанина не действовали. Спасло нас то, что сами красноармейцы были в страшной панике и торопились удрать, предварительно повторив угрозу. Доктор же Цацкин решил не двигаться и ждать немцев.

Мы остались одни, но вскоре прибежала группа китайцев, страшно испуганных: они подбежали к доктору и больше жестами, чем словами, объяснили, что надо бежать, что если мы останемся, то нам отрубят головы. Цацкин, который всегда находил выход из положения, страшно пожалел «бедных китайцев», предложил им сесть на наш паровоз и удрать, что они и сделали. За ними снова появились красноармейцы в поезде, снова крики, угрозы и требования немедленно отступить. Доктор им объяснил, что мы без паровоза, который ушел за водой, и что мы страшно волнуемся и не понимаем, почему он за нами не вернулся. Начальник красноармейцев заявил, что он за нами вышлет паровоз, а если мы не явимся, будет плохо. Тут началось мучительное ожидание. Боялись увидеть паровоз, ждали немцев и боялись их! Подняли над поездом большой флаг Красного Креста, из всех окон вывесили простыни и полотенца. Местность была холмистая. Мы стояли на возвышении, и нас издали было видно. Вдруг справа спереди мы заметили какое-то движение. Далеко из-за холмов показались люди, они то приближались, то скрывались за холмами, то вновь появлялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.